

На правах рукописи

ШИЛОВА Ирина Сергеевна

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ТЕХНИЧЕСКОЙ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В КОНЦЕ 1920–КОНЦЕ 1930-х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОГО РЕГИОНА)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Тюмень – 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Научный руководитель: **Суслов Андрей Борисович**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Кириллов Виктор Михайлович** доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия», заведующий кафедрой истории, теории и методики обучения

Бакулина Татьяна Ивановна кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», доцент кафедры отечественной истории

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Защита состоится 17 мая 2013 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-библиотечном центре ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Автореферат разослан «12» апреля 2013 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор*

З.Н. Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Для современной России в условиях построения правового государства, создания институтов гражданского общества, налаживания диалога власти и народа, значимой частью которого выступает интеллигенция, весьма актуален вопрос о месте интеллигенции в советском государстве. В постсоветское время, вплоть до наших дней, продолжается переосмысление роли и места интеллигенции в преобразованиях 1920–1930-х годов. Преследования интеллигенции в СССР, ставшие одной из трагических страниц истории нашей страны, связанные с устранением представителей интеллектуальной элиты из политической, социальной, образовательной, культурной сфер, также остаются объектом пристального внимания общества, генерируют научную и общественную дискуссию. В последние годы проявляются тенденции пересмотра оценок репрессивной политики советского государства, исходящие из весьма противоречивых посылок. Кроме того, всестороннее и объективное изучение проблемы важно для понимания процессов, происходящих в современном обществе. В связи с этим актуализируется задача изучения репрессий советского государства против интеллигенции в конце 1920–конце 1930-х годов не только в масштабах страны, но и на региональном уровне.

Интеллигенцию после революции 1917 года оценивали как оппозиционную социальную группу. В настоящее время точки зрения по данной проблеме неоднозначны. Несмотря на отказ большинства историков от советских идеологических схем на появление новых документальных свидетельств, на применение новых методов исследования, еще рано говорить о свершившемся прорыве в изучении советской интеллигенции и устоявшихся оценках.

Объект исследования – политические репрессии в СССР в конце 1920–конце 1930-х годов.

Предмет исследования – реализация политических репрессий против технической и педагогической интеллигенции в Пермском регионе в конце 1920–конце 1930-х годов¹.

Под интеллигенцией понимается особая социально-профессиональная и культурная группа, с определенным образовательным уровнем (высшее или среднее специальное образование), занимающаяся сложным интеллектуальным трудом в сфере материального и духовного производства.

Хронологические рамки исследования – конец 1920–конец 1930-х годов. Нижняя временная граница определяется окончанием новой экономической политики, ростом партийно-государственного диктата, началом нового этапа репрессивной политики. Верхняя временная граница обусловлена завершением «большого террора» в стране.

Территориальные рамки в целом соответствуют современной территории Пермского края².

¹ В качестве предмета исследования выступает техническая и педагогическая интеллигенция, поскольку именно данные категории интеллигенции в большей степени, нежели другие, пострадали от репрессий в Пермском регионе в конце 1920–конце 1930-х годов.

Общая площадь – 162,6 тысячи квадратных километров, численность населения по переписи 1939 года – 2 087 тысячи человек.

Состояние научной разработки проблемы. В советский период репрессивная политика власти против отдельных категорий граждан не могла стать самостоятельной темой научного исследования. Прежде всего, это связано с тем, что репрессивные меры советского государства были идеологически обоснованы и трактовались как легитимные действия властей³. В современных историографических исследованиях, по наблюдению историка А.В. Квакина, рассматривается, в основном, исключительно постсоветская историография истории интеллигенции⁴. В связи с этим возникает вопрос периодизации историографии репрессивной политики против интеллигенции в Пермском регионе в рассматриваемый период.

В данном исследовании представляется целесообразной следующая периодизация: в рамках советского периода: середина 1950-х–конец 1960-х годов; начало 1970-х–середина 1980-х годов; переходный период: конец 1980-х–начало 1990-х годов; постсоветский период: 1990-е годы; современный – с начала 2000-х годов – по настоящее время. В этом случае учитываются следующие параметры: изменение оценок событий, введение в научный оборот новых исторических источников, расширение проблематики исследования, интенсивность региональных исследований. Соотнесение с этими критериями позволяет увидеть целостность каждого этапа и уникальность его вклада в дело изучения политических репрессий против интеллигенции в Пермском регионе в конце 1920–конец 1930-х годов. Проблемы репрессий до смерти И.В. Сталина были закрытой темой для ученых⁵. Исторические работы сводились к цитированию его трудов и положений «Краткого курса истории ВКП(б)».

Формально XX съезд КПСС и развенчание культа личности позволили историкам рассматривать взаимоотношения интеллигенции и власти в ином

² Обозначение «Пермский регион» в изучаемый период – понятие условное, поскольку единого административно-территориального образования под таким названием в конце 1920–конец 1930-х годов не существовало. 3 ноября 1923 г. была создана Уральская область, г. Пермь стал окружным центром в составе Уральской области. 17 января 1934 г. область разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую. Пермский район вошел в состав Свердловской области. 3 октября 1938 г. был принят Указ Верховного Совета СССР «О разделении Свердловской области РСФСР на Пермскую и Свердловскую области». Тем не менее, возможно выделить Пермский регион как совокупность административно-территориальных единиц, которые располагались географически и по административному признаку в непосредственной близости, а также исторически и экономически были тесно связаны между собой. Пермский регион к концу 1930-х гг. включал: города: Пермь, Кизел, Лысьва, Чусовой; районы: Березовский, Бардымский, Оханский, Очерский, Большесосновский, Пермско-Ильинский, Верхне-Муллинский, Пермско-Сергинский, Ворошиловский, Сивинский, Добрянский, Соликамский, Еловский, Суксунский, Карагайский, Усинский, Кишертский, Уинский, Краснокамский, Фокинский, Куединский, Частинский, Кунгурский, Чердынский, Ныробский, Черновской, Нытвенский, Чернушинский, Сергинский, Щучье-Озерский, Ординский, Чермозский; Коми-Пермяцкий национальный округ. – Справочник по истории административно-территориального деления Пермской области. Ч. 2. 1938–1981 гг. / Сост. С.Н. Шереметьева и др. Пермь, 1998. С. 6.

³ Степанов М.Г. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии: Автореф. дис. ... д.и.н. Улан-Удэ, 2009. С. 5.

⁴ Квакин А.В. Современные подходы к изучению истории интеллигенции в России // Московский университет и судьбы российской интеллигенции: Матер. междунар. конф. М., 2004. С. 54–68.

⁵ Локшин Э.Ю. Партия большевиков в борьбе за индустриализацию СССР. М., 1946. 116 с.; Ковалев С.М. Интеллигенция в советском государстве: Стеногр. публ. лекции, прочитанной в Круглом зале дома Союзов в Москве. М., 1946. 40 с.; Ситников Г.Г. Урал. Стенография лекций прочитанных в высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1949. 40 с.; Процько М. О роли интеллигенции в советском обществе. М., 1953. 54 с.

ключе, однако существенных изменений в трактовках сталинской репрессивной политики не произошло⁶. Политические репрессии оценивались неоднозначно, так по оценкам историка О.В. Миколюк, репрессии 1930-х годов против преданных социализму советских людей оценивались негативно, а против остатков эксплуататорских классов и интеллигенции считались законными⁷.

Анализ литературы первого историографического этапа позволяет сделать вывод, что официальная историческая наука в целом не допускала осмысления противоречий в отношениях власти и интеллигенции.

На втором этапе наметилась тенденция выделения региональной специфики⁸. Уральский историк М.И. Кондрашёва отмечала наличие в регионе более сильных, чем в целом по стране, «спецедеческих настроений»⁹. Исследователи М.Е. Главацкий и В.Г. Чуфаров доказали, что дореволюционные специалисты принимали деятельное участие в пятилетках 1930-х годов в регионе, изучили проблему привлечения представителей буржуазной интеллигенции¹⁰.

Несмотря на расширение проблематики исследования, закрытость документов о политических репрессиях и идеологические ограничения стали сдерживающим фактором для обобщения материалов и объективного изучения проблемы. Таким образом, в 1970-е–середине 1980-х годов работы продолжали публиковаться в рамках коммунистической идеологии.

Во второй половине 1980-х годов наступил переходный период в изучении проблемы, который характеризуется пересмотром прежних идеологических позиций, отличается противоречивостью, непоследовательностью. Ученых интересовал феномен сталинизма, а проблема политических репрессий против интеллигенции, истории инакомыслия стала самостоятельным предметом исторических исследований¹¹.

Различные аспекты взаимодействия власти и интеллигенции активно обсуждались на научно-практических конференциях 1990-х годов.¹² Основную

⁶ Голиков Г.Н. На переднем крае исторической науки // Вопросы истории. 1961. № 11. С. 18–40; Ким М.П. О задачах изучения социалистического строительства в СССР // Вопросы истории. 1962. № 2. С. 3–19; Найденов М.Е. Советская историческая наука накануне XXII съезда КПСС // Вопросы истории. 1961. № 10. С. 70–88.

⁷ Миколюк О.В. Политические репрессии на Мурмане в 30-е годы XX века: Автореф. дис. ... к.и.н. Мурманск, 2003. 22 с.

⁸ Николаев С. Чудесные соли. Пермь, 1969. 72 с.; Терехин А.С. Архитектура и строительство социалистического Прикамья. Пермь, 1970. 87 с.; Афанасьев Б.А. Гудок над Суксун-заводом. Пермь, 1977. 89 с.; Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1986. 487 с.

⁹ Кондрашёва М.И., Главацкий М. Е. Проблемы формирования социалистической интеллигенции в трудах уральских историков // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917–1937). Свердловск, 1980. С. 119–130.

¹⁰ Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926–1937). Свердловск, 1974. 215 с.; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Л., 1975. 269 с.

¹¹ Литвин А. Российская историография «большого террора». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.infran.ru/vovenko/60years_ww2/demogr7.htm; Попов В. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. №2. С. 20–31.

¹² Интеллигенция в системе социально-классовой структуры советского общества: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Кемерово, 1991; Страницы прошлого: Избранные матер. краеведческих Смышляевских чтений. Пермь, 1993; Культура и интеллигенция России в переломные эпохи (XX в.): Тез. докл. Всерос. науч.-практич. конф. Омск, 1993; Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е годы: Сб. матер. междунар. науч. конф. М., 1993. Интеллигенция в советском обществе: Межвуз. сб. научн. трудов. Новосибирск, 1993; Тоталитаризм и личность: Тез. докл. междунар. науч.-практич. конф. Пермь, 1994; Интеллигенция России: уроки истории и

часть историографических публикаций составляли статьи и тезисы¹³. Историк С.А. Красильников проанализировал репрессивную политику против интеллигенции. Он полагает, что такие способы устранения как высылка, ссылка, тюремное заключение в 1920–1930-е годы способствовали «селекции» общества на «своих» и «чужих»¹⁴, а также выявил особенности «чистки» «буржуазных спецов» во второй половине 1928 года.¹⁵

Следует отметить, что исследователи проделали огромную источниковедческую и историографическую работу и сошлись во мнении о том, что работы 1990-х годов приобрели междисциплинарный характер, что отразилось на появлении новой области знания – интеллигентоведения¹⁶. В 1990-е годы региональные центры интеллигентоведения появились в Новосибирске (профессора В.Л. Соскин, С.А. Красильников)¹⁷, Омске (профессор В.Г. Рыженко)¹⁸, Челябинске (профессор С.С. Загребин)¹⁹, Москве (профессор А.В. Квакин)²⁰, Екатеринбурге (профессор М.Е. Главацкий)²¹. Особое внимание было уделено изучению репрессий интеллигенции регионов.

современность: Межвуз. сб. научн. трудов. Иваново, 1996; Интеллигент в провинции: Тез. докл. Всерос. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 1997; Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. К 90-летию сборника вехи: Тез. докл. и сообщ. Всерос. научн. конф. Екатеринбург, 1998 и др.

¹³ Мишенин С.Е. Отечественная литература о причинах политических репрессий второй половины 30-х гг. // Тоталитаризм и личность: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1994. С. 37–39; Горинов М.М. Советская история 1920–30-х гг.: от мифов к реальности // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996. С. 233–277; Камынин В.Д., Заболотный Е.Б. Тема репрессий 20-х – начала 50-х гг. в уральской исторической литературе // История репрессий на Урале в годы Советской власти: Тез. докл. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 41–44; Никитина А.О. Уральская историография политических репрессий в СССР в 1930-х гг. // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв: Матер. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 60–62; Она же. Политические репрессии на Урале 1920–30-х гг. в региональной историографии // Урал индустриальный: Матер. докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1999. С. 179–183.

¹⁴ Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское двадцатилетие // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 169–180.

¹⁵ Красильников С.А. «Не для печати»: «Чистки» специалистов как инструмент большевистской политики в 1928 году // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. № 1. Т. 11. С. 151–158.

¹⁶ Никитина А.О. Интеллигенция и власть на Урале в современной региональной историографии // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. Вып. 13. С. 162–170; Шер О.В. Кампании по мобилизации специалистов в Сибири в 1929–1932 гг.: Подготовка, реализация, итоги: Автореф. дис. ... к.и.н. Новосибирск, 2009. 26 с.

¹⁷ Соскин В.Л. Культурная революция как проблема историографии советского общества (по итогам дискуссий) // Проблемы истории Сибири: Историография и источники. Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1992. С. 495–516; Он же. Научная интеллигенция Сибири накануне революции // Кадры науки советской Сибири. Новосибирск, 1991. С. 19–39; Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское двадцатилетие // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 169–180.

¹⁸ Рыженко В.Г. Роль исследовательских центров в складывании современного интеллигентоведения. К 10-летию Центра «XX век в судьбах интеллигенции России» // Известия Уральского государственного университета. Челябинск, 2004. № 29. С. 174–181; Сизов С.Г. Взаимоотношения интеллигенции и власти в советском обществе в 1946–1964 гг. на материалах Западной Сибири: Автореф. дис. ... д.и.н. Омск, 2002.

¹⁹ Загребин С.С. Интеллигенция в провинции и государственная власть: проблемы взаимодействия // Интеллигент в провинции: Тез. докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1997. С. 95–101; Ахлюстина М.А. История российской интеллигенции XX столетия. Челябинск, 1996. 66 с.

²⁰ Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. 1921–1927. Саратов, 1991. 120 с.; Он же. Современные подходы к изучению истории интеллигенции в России // Московский университет и судьбы российской интеллигенции: Матер. междунар. конф. М., 2004. С. 54–68. Он же. Российское государство и российская интеллигенция. Уфа, 2007. 168 с.

²¹ Интеллигенция и власть на пороге XXI века: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. В 3 ч. / Отв. ред. М.Е. Главацкий. Екатеринбург, 1996; Интеллигент в провинции: Тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф.: Вып. 2 / Отв. ред. М.Е. Главацкий. Екатеринбург, 1997; Интеллигенция России в истории XX в.: неоконченные споры: К 90-летию сб. «Вехи»: Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.Е. Главацкий. Екатеринбург, 1998;

В 1990-е годы наблюдался плюрализм методологических подходов к рассмотрению темы политических репрессий против интеллигенции.

Необходимо обратить внимание на зарубежную историографию. Именно под ее влиянием отечественные авторы стали уделять больше внимания изучению социальной истории, вопросам взаимоотношений власти и общества.

Изучение проблем политических репрессий в СССР зарубежными исследователями активизируется в 1950-е годы. В это время в советологии складывается и до 1980-х годов остается доминирующей тоталитарная концепция²². В 1990-е годы на русский язык были переведены работы зарубежных авторов по истории советской науки, в которых рассматривались отдельные категории интеллигенции и советского общества 1930-х годов.²³

В современных отечественных исследованиях, по оценкам профессора В.М. Кириллова, содержится анализ не только отечественной, но и зарубежной историографии, учитываются достижения иностранных исследователей²⁴. Это свидетельствует о том, что постепенно стираются различия отечественной и зарубежной исторической науки.

В современной историографии региона довольно полно представлены исследования по истории высшей школы Урала рассматриваемого периода в целом и истории отдельных образовательных учреждений. Менее обстоятельно освещена деятельность высших учебных заведений Пермского региона²⁵. Региональные особенности политических репрессии против интеллигенции, отражены в работах историков И.С. Капцуговича, О.Л. Лейбовича, Л.А. Обухова, А.В. Шилова, архивиста Г.Ф. Станковской²⁶. Исследователи проанализировали политические репрессии, направленные против отдельных профессиональных категорий граждан. В большей степени изучены политические репрессии против научно-технической интеллигенции. Советские инженерно-технические кадры, в том числе Пермского региона, стали

Интеллигенция России в XX веке и проблема выбора: Всерос. науч. конф. «Интеллигенция России и история XX века: неоконченные споры» / Под ред. М.И. Кондрашёвой. Екатеринбург, 1999.

²² Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, 1956; Conquest R. *The Nation Killers: Soviet Deportation of Nationalities*. Londres, 1970. 227 p.; Ulam A.B. *Stalin: The Man and His Era*. Boston, 1989. 218 p.

²³ Джоравски Д. Сталинский менталитет и научное знание // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология*. Самара, 2001. с. 453; Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // *Отечественная история*. 1994. № 2. С. 122–134; Холмс Л. *Социальная история России: 1917–1941*. Ростов-на-Дону, 1994. 140 с. и др.

²⁴ Кириллов В.М. *Историография истории репрессий в СССР и на Урале (1918–1990 гг.)* // *Власть и общество*. Нижний Тагил, 1996. С. 67–85.

²⁵ *Биографический словарь профессоров и преподавателей Пермского государственного педагогического университета* / Гл. ред. И.С. Капцугович. Пермь, 2001. 416 с.; Капцугович И.С. *Пермский педагогический в судьбах людей. Документально-публицистический очерк. Книга первая*. Пермь, 2006. 373 с.; Костицын В.И. *Пермский университет: 100-летие ученых, государственных памятники истории и культуры*. Пермь, 2003. 67 с.

²⁶ Лейбович О.Л. *В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции*. М., 2008; Он же. *Прикамье: хроника политических репрессий и ГУЛАГа* // *Вестник Пермского университета*. 2002. История. Вып.3. С. 45–49; Он же. *Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917–1931 гг.)* // *Вестник Пермского университета*. Серия: История. 2011. № 2–16. С. 148–164; С. 105–106; Колдушко А., Лейбович О. *Дискурсивные практики большого террора на Урале (1937–1938)*. М., 2012. 44 с.; Колдушко А.А. «Кадровая революция» 1937–1938 гг. в контексте концепции модернизации // *АНТРО: Анналы научной теории развития общества*. Вып. 2. Пермь, 2006. С. 104–113; Она же. «Большой террор» и интеллигенция // *Матер. науч.-практич. конф. толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции*. Пермь, 2002. С. 112–116; Шилов А.В. Александр Петрович Дьяконов – ученый и педагог // *Время и судьбы людей: Матер. науч.-практич. конф.* Пермь, 1999. С. 170–174.

предметом изучения таких ученых, как Л.М. Батенёв, М.Н. Гусарова, И.К. Плотникова, С.А. Шевырин, В.В. Шилов²⁷.

Таким образом, за последние двадцать лет внесен существенный вклад в изучении проблемы политических репрессий против интеллигенции Пермского региона в конце 1920–конце 1930-х годов. Причем, если в 1990-е годы прослеживалось обличительно-негативное отношение к сталинскому режиму, преобладало осуждение политических репрессий, то в настоящее время произошли неоднозначные изменения. Исследования приобрели более фундированный характер, аргументация выводов стала более мощной. В тоже время некоторые ученые заняли «объективистскую» позицию, доказывая неизбежность становления сталинской диктатуры, в сущности, оправдывая репрессивную политику сложившимися обстоятельствами.

В отечественной и зарубежной историографии представлен ценный исследовательский опыт в решении целого комплекса рассматриваемых проблем. Однако в региональной историографии внимание концентрировалось лишь на отдельных аспектах проблемы. Обобщающих, комплексных работ до сих пор не было проведено, что и обусловило выбор темы исследования.

Источниковая база исследования представлена несколькими группами источников.

К первой группе законодательные и нормативно-правовые акты относятся партийно-государственные документы, указы, декреты, постановления, нормативные документы государственных органов различного уровня, где нашла отражение выработка и реализация политики партии по отношению к интеллигенции в конце 1920–конце 1930-х годов.²⁸ Эти документы создавались в недрах партии и выполняли, прежде всего, идеологическую роль. Анализ нормативно-правовой базы позволяет проследить формальное наличие гражданских прав и невозможность воспользоваться провозглашенными правами на практике; изучить официальное обоснование репрессий, основные этапы репрессивной политики в сфере образования и промышленности, специфику их применения в Пермском регионе в конце 1920–конце 1930-х годов. Достоверность представленной информации в значительной степени зависит от типа документа. Опубликованные в конце 1920–конце 1930-х годов законы, постановления, указы и т.п. акты государственных и партийных органов достаточно точно передают транслируемые властью политические установки и идеологические парадигмы,

²⁷ Батенёв Л.М. История горного Урала. 1901–1940 гг. Екатеринбург, 2009. 208 с. Гусарова М.Н. Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в отечественной высшей школе в 30–40-е гг. 20 в. // Власть. 2010. № 4. С. 169–173; Плотникова И.К. Судьбы технической интеллигенции в период тоталитаризма: Степан Павлович Соляков (1911–1978) // Астафьевские чтения. Пермь, 2004. Вып. 2. С. 201–204; Шевырин С.А. «Самолет» – слово Пермское // Промышленная безопасность и экология. № 2. 2008. С.21–27; Топография террора: история политических репрессий / Сост. С. Шевырин. Спб., 2012. 240 с.; Шилов В. «Республика химии» за колючей проволокой // РЕТРОспектива. № 1. 2008. С. 44–49.

²⁸ Конституция РСФСР. М., Л., 1936; Уголовный кодекс РСФСР. М., 1938; Декрет ВЦИК от 16 октября 1918 г. «Об единой трудовой школе РСФСР» // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 174–380; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 марта 1940 г. «О работе угольной промышленности Донбасса» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1971. С. 91–97; Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. М., 1947. Вып. 1; Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» // Правда. 1936. 4 июля.

которые служили ориентиром для подгонки и искажения фактов. Официальные источники, предназначенные для внутреннего использования, как правило, секретного характера, в основном, достоверно отражают задачи, которые политическое руководство ставило перед партийными и карательными органами. Факты, обуславливающие постановку политических задач, также могли искажаться.

Вторая группа источников – произведения деятелей коммунистической партии и высших органов власти СССР.

В первую очередь следует обратить внимание на труды В.И. Ленина. Он внес наибольший вклад в разработку советской концепции интеллигенции. С одной стороны, подчеркивал объективную необходимость интеллигенции для современного общества²⁹. С другой стороны, характерно недоверие Ленина к интеллигенции, поскольку она была «порождением капитализма» и «неизбежно пропитана буржуазным мировоззрением и навыками»³⁰.

Такие характеристики заимствовал И.В. Сталин, хотя в его работах интеллигенция рассматривалась в ином ракурсе. В отчетных докладах на XV–XVII партийных съездах он уделил особое внимание кадрам высококвалифицированных специалистов. Обосновывая потребность СССР в высоких темпах индустриализации, И.В. Сталин подчеркивал необходимость разгрома идейных и политических противников, боровшихся против «ленинской генеральной линии в строительстве социализма»³¹. Эти идеи можно найти в его работах «О правом уклоне в ВКП(б)» и «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)»³². Об этом же, говорили и писали его соратники³³.

Критический анализ этих произведений позволяет более точно определить истоки и содержание партийно-государственной политики по отношению к интеллигенции в 1930-е годы.

²⁹ В.И. Ленин выделял интеллигенцию внеклассовую (русскую бессловную интеллигенцию), включая образованных людей, средний слой, разночинцев, новое среднее сословие (Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч.. Т. 2. С. 454; Он же. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 485–488). В тоже время В.И. Ленин говорил о необходимости сопоставления идей и программ интеллигенции с положением и интересами классов русского общества. Он полагал, что всякий класс буржуазного общества (а до капитализма интеллигенции вообще не было) «вырабатывает свою собственную интеллигенцию: и берет себе также сторонников и из числа всех и всяких образованных людей...» (Он же. Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 377–390).

³⁰ Там же. Т. 35. С. 200; Т. 2. С. 85.

³¹ Сталин И.В. На хлебном фронте: Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. // Соч. Т. 11. М., 1949. С. 81–97; Он же. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Соч. Т. 12. С. 141–172. Он же. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса // Соч. Т. 12. С. 178–183.

³² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1930. С. 545–573.

³³ Так Ф.Э. Дзержинский, характеризуя политику индустриализации, особо рассматривает борьбу против троцкистов. Например, его работа «Материалы к докладу о промышленности СССР на III съезде Советов СССР». В статьях и речах С.М. Кирова отражена борьба против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и др.³³ Г.К. Орджоникидзе так же постоянно останавливался на борьбе партии против правых элементов, в том числе, в среде интеллигенции. В трудах М. И. Калинина об укреплении союза рабочего класса и крестьянства интеллигенции отводится второстепенная роль. – Дзержинский Ф.Э. Избранные статьи и речи. В 2-х т. М., 1947. 390 с.; Киров С.М. Избранные статьи и речи (1912–1934). М., 1957. 718 с.; Орджоникидзе С. О задачах тяжелой промышленности и стахановского движения. М., 1936. 32 с.; Калинин М.И. О вопросах социалистической культуры. Сборник статей и речей 1925–1928 гг. М., 1938. 180 с.; Он же. О задачах советской интеллигенции. М., 1939. 67 с.

Следующая группа источников – материалы партийных и советских органов. Среди опубликованных документов: постановления, протоколы, стенограммы съездов, пленумов ЦК, переписка обкома с центральными партийными и государственными органами и др.³⁴ В числе неопубликованных материалов исследовались архивные фонды местных партийных органов: Пермского горкома КПСС, райкомов, первичных парторганизаций и т.д.³⁵ Данные источники позволяют проанализировать влияние принимаемых решений на регионы, кадровую политику государства, в том числе в отношении интеллигенции. Они также содержат большое количество весьма точных и часто уникальных фактографических сведений. В фонде горкома имеются сведения о состоянии промышленности: отчеты о работе предприятий, стенограммы совещаний при горкоме об обучении кадров, о ходе социалистического соревнования и стахановского движения позволяют не только получить достоверные данные о проблемных вопросах и кадровой политике. Учитывая критический настрой чекистов, справки и докладные записки ОГПУ о конфликтах и настроениях в коллективах, сведения о ходе выдвиженчества, обеспеченности производства техническими кадрами, о состоянии дел в вузах города, можно признать достаточно достоверным источником (принимая в расчет присущий «органам» алармизм). Протоколы заседаний первичных организаций учебных заведений позволяют проследить эволюцию линии партии в вопросах формирования штата профессорско-преподавательского состава. Материалы проверок учреждений наглядно демонстрируют требования партии к профессиональным и личностным качествам специалиста. Отчеты по проверке партийных документов отражают критерии и категории интеллигенции, которые подвергались чисткам в первую очередь. В большей степени соответствуют действительности различные статистические данные, в том числе о количестве технических специалистов и работников предприятий, студентов, сотрудников вузов, их возрастном, образовательном цензе, но сомнительны сведения о социальном происхождении представителей интеллигенции. Не вызывают также доверия имеющиеся в источниках такого рода оценки враждебности тех или иных лиц, их принадлежности к каким-либо группировкам (троцкисты и т.п.).

В целом, данная группа источников по составу документов носит комплексный характер, содержит уникальные сведения личного происхождения, делопроизводственные документы разного рода, анкеты, заявления, автобиографии, характеристики и т.д., которые в совокупности дают широкие возможности для реконструкции биографий и судеб людей советской

³⁴ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1934. 516 с.; XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939; Борьба за массовое овладение техническими знаниями // СЗ СССР. 1934. № 2. ст. 15; Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. М.: Л., 1947. 768 с.; Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.): Стенограмма процесса и материалы, приобщенные к делу / Общ. ред. Г.И. Иваненко. М., 1931. 544 с.; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1931. № 29; Съезд Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. М., 1939. 36 с.

³⁵ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф.1. Пермский горком, г. Пермь; Ф. 2. Пермский окружной комитет ВКП(б), Уральская область; Ф. 90. Коллекция документов по истории Пермских областных организаций КПСС и ВЛКСМ.

эпохи. В то же время, отношение к интерпретации событий в этих документах должно быть предельно критическим: идеологические соображения и стереотипы сознания обуславливали искажения в трактовках действительности.

Для разностороннего изучения предмета определенную ценность представляют периодические издания – журналы, центральные и областные газеты рассматриваемого периода³⁶. С точки зрения освещения деятельности местных партийных организаций наиболее информативны газета «Звезда», многотиражные заводские газеты. Именно они содержат значительную часть фактического материала. Периодические издания также отображают эмоциональные настроения и особенности периода. На страницах печати, помимо официальной хроники, регулярно публиковались заметки, с одной стороны об успехах на производстве, пуске нового оборудования, особенно в местных и заводских изданиях³⁷, с другой стороны, о разоблаченных «врагах народа», саботажниках, велись злободневные дискуссии о значении образования в условиях социализма, идеологической выдержанности представителей интеллигенции и т.п. Данный вид источников в силу его открытости не всегда отражал и во многих случаях искажал действительность, поэтому требует внимательного критического изучения. В то же время эти источники позволяли более рельефно представить механизмы воздействия власти на общество.

Важнейшей составляющей источниковой базы работы являются архивно-следственные дела, заведенные НКВД на лиц, обвиняемых в политических преступлениях. В двух изученных фондах Пермского государственного архива новейшей истории³⁸ собраны разные по происхождению документы. В первую очередь, это делопроизводственная и иная документация периода ведения следствия и судебного разбирательства³⁹, документы личного происхождения, материалы о дальнейшей судьбе осужденного. Наибольший интерес для нас представляют документы, которые дают возможность выявить род занятий, уровень образования и происхождение. Сведения биографического характера и личные документы, содержат важную и в большей степени достоверную информацию. В частности, эти документы дают возможность сопоставить уровень образования и занимаемую должность, оценить влияние данных факторов на арест и меру наказания.

Документы, формирующие личные дела граждан, уникальны по содержанию, они позволяют не только изучить социальные характеристики репрессированной интеллигенции, но и проследить внедрение на местах

³⁶ Звезда: Орган Пермского горкома ВКП(б) и городского совета рабоче-крестьянских депутатов; Известия: Орган ЦИК СССР и ВЦИК; Правда: Орган ЦК ВКП(б); Труд: Орган Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов и др.

³⁷ Уральский рабочий: Орган Свердловского обкома ВКП(б) и др.

³⁸ Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 641/1 – архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. и Закону РСФСР от 18 октября 1991 г.; Ф. 643/2 – архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома.

³⁹ Ордер на арест, обыск, арестный лист, анкета, протокол допроса, выписки из протокола о рассмотрении (пересмотре) дела по обвинению, характеристика на арестованного, постановление о принятии дела к производству, постановление о признании виновности или невиновности, заключение следователя с резолюцией начальника, заявление на пересмотр дела.

политических установок из центра, механизмы принятия решений по конкретным делам и их мотивацию, методы расследования и фальсификаций.

Протоколы 1930-х годов весьма примитивны, вопросы и ответы зачастую написаны малограмотным языком следователей. Данные в протоколах допросов обвиняемых и свидетелей, дата и причина смерти арестованного (для информирования родственников) часто искажались.

Особое место среди источников занимает электронная база данных «Репрессированные». Она включает в себя сведения о лицах, арестованных по политическим мотивам местными органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ в 1918–1980-е годы (значительную часть записей представляют дела 1930-х годов) и составлена специалистами Пермского государственного архива новейшей истории и регионального отделения общества «Мемориал». В основу легли материалы архивно-следственных дел граждан, проживавших накануне ареста на территории Пермского региона. База данных содержит биографические данные (фамилия, имя, отчество, дата рождения, место жительства, национальность, образование, место работы и должность), а также сведения об аресте и приговоре (дата ареста, каким органом и по какой статье осужден, мера наказания) и реабилитации (дата, орган). Всего 58 полей.

Таким образом, база данных содержит вторичную, перенесенную из следственных дел, информацию. Однако строгая систематизация этой информации и ее объем (в базу введены данные всех хранящихся в архиве следственных дел – более 30 тысяч единиц хранения и более 36 тысяч записей) позволяют рассматривать электронную базу данных как особый, хотя и вторичный, источник, поскольку мы получаем возможность составлять группировки большого массива формализованных данных для последующего анализа. В первую очередь, это дает возможность осуществить выборку наиболее репрезентативных дел для углубленного изучения и получить формализованные сведения о численности, составе арестованных и осужденных по политическим мотивам в 1930-е годы на территории региона. Использование базы данных позволило подготовить выборки персоналий по заданным параметрам: уровню образования, профессиональной и национальной принадлежности, возрасту и другим. Проведение реляционного анализа с использованием программных возможностей стандартной СУБД Microsoft Access позволило выявить взаимосвязи ряда выбранных признаков, например между образованием, социальным происхождением, занимаемой должностью и репрессиями. Анализ информации подобного рода весьма значим для получения сведений о количестве репрессированных среди представителей интеллигенции в целом и среди отдельных групп. К примеру, даты ареста и вынесения приговора позволяют выявить периоды наиболее массовых арестов специалистов в регионе, сопоставить их с процессами, происходившими в стране.

Воспринимая электронную базу данных как ценный источник по истории репрессий в Пермском регионе, необходимо учитывать погрешности при занесении информации в базу данных. Так, в базе отражены дела, поступившие в Пермский архив новейшей истории. Они представляют большую часть всего массива заведенных НКВД следственных дел, но небольшая часть дел хранится

в архиве УФСБ РФ по Пермскому краю. Необходимо понимать известную ограниченность и неполноту базы данных. В частности, в ней в 5% случаев отсутствуют сведения о лишении избирательных прав, судимостях, политическом прошлом (служба в белой армии, участие в крестьянских восстаниях и т.д.), нет унификации по такому показателю, как социальный статус на момент ареста, имеются незаполненные поля. То есть, анализ базы данных позволяет решить только ограниченный круг поставленных исследовательских задач и не является универсальным средством.

Особое место занимают нарративные источники. В данную группу можно отнести документы личного происхождения (дневники, воспоминания и автобиографии), которые позволяют получить уникальные сведения многопланового характера: от отношения к политике партии, идеологии до повседневной жизни интеллигенции⁴⁰. Мемуарную литературу всегда отличает неоднородность, поэтому деятели партии, репрессированные и члены их семей в своих воспоминаниях дают диаметрально противоположные оценки репрессивной политики. Политическими и партийными деятелями факты политических репрессий против интеллигенции замалчивались, либо их необходимость обосновывалась в историко-партийном ракурсе, как борьба с врагами народа, вредителями, контрреволюционерами. В рамках официальной идеологии, но под иным углом подается информация в воспоминаниях сотрудников НКВД. Свою деятельность они характеризуют как исполнение долга перед партией и государством. В тоже время именно из воспоминаний сотрудников следственных органов можно почерпнуть информацию о механизмах и методах репрессий, условиях содержания подозреваемых и осужденных в КПЗ и местах лишения свободы.

Более субъективно эти сведения отражены в воспоминаниях репрессированных. Нужно учитывать, что они появлялись по прошествию времени. Человек зачастую воспринимает окружающий мир несовершенно, не конкретно: к первоначальным ошибкам восприятия добавляются ошибки памяти. По мнению французского историка М. Блока, точность образов нарушается по причинам двух видов: временное состояние наблюдателя (усталость или волнение), степень внимания⁴¹. Данные факторы влияли на позицию авторов, именно поэтому некоторые оценки вызывают недоверие. Авторы недостаточно точны в изложении фактов, но содержат ценнейший личностный материал, показывают мир ценностей, которые объясняют поведенческие и эмоциональные реакции, характеризующие образованную

⁴⁰ Воспоминания о репрессиях в Пермской области в 1920–1970-х гг. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 6. Т. 2. / Отв. за вып. А.М. Калих. Пермь, 2010. 347 с.; Воспоминания о репрессиях в Пермской области в 1920–1970-х гг. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 6. Т. 3. / Отв. за вып. А.М. Калих. Пермь, 2011. 236 с.; Генкель М.А. Профессор В.В. Гиппиус в Перми // Страницы прошлого: избр. матер. краевед. Смышляев. чтений в Перми. Вып. 2 / Сост. Т.И. Быстрых, А.Ф. Старовойтов. Пермь, 1999. С. 51–58; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 2: Воспоминания / Под ред. А. Сулова Пермь, 2000. 272 с.; Дневник Н.В. Устрялова 1935–1937 гг. / Публ. И. Кондаковой // Источник. 1998. № 5/6. С. 3–100; «Как это было». Воспоминания об Иване Катаеве / Сост. М.К. Терентьева-Катаева. М.: Советский писатель, 1965. 142 с.; Немцы в Прикамье. XX Век. Т.2. Публицистика / сост. Л.В. Масалкина. Пермь, 2006. 295 с.; Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. 3. Пермь, 1996. 102 с.; Тураев С.В. Пермь. Карла Маркса, 26. 30–е годы // Филолог. 2005. Вып. 6; Figes O. The Whisperers: Private Live in Stalin's Russia. London, 2007. 740 p. и др.

⁴¹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 86.

часть общества в условиях сталинизма. Для понимания степени правдивости информации данной группы источников необходим сравнительный анализ.

Привлеченная источниковая база, несмотря на неполноту и противоречивость данных, содержащихся в каждой отдельной группе источников, позволяет решить поставленные задачи. Использование широкого спектра исторических источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, позволило комплексно, многосторонне осветить тему исследования.

Цель и задачи исследования. Цель данной работы исследовать репрессии советской власти против технической и педагогической интеллигенции в конце 1920–конце 1930-х годов на примере Пермского региона.

Достижению цели будет способствовать решение следующих задач:

- проанализировать методы проведения политических репрессий против технической и педагогической интеллигенции;
- рассмотреть подходы власти к формированию новой интеллигенции;
- изучить репрессивную политику против инженерно-техническим кадров;
- выявить особенности репрессий в средней и высшей школе региона;
- проанализировать эволюцию репрессий на протяжении рассматриваемого периода.

В основе **методологии исследования** институциональный анализ.

Идеологи институционализма относили к институтам социальные, политические, экономические явления: государство, общество, социальные группы, корпорации и др.⁴² В гуманитарных науках институт определяется как устанавливаемые людьми ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие, неформальные (запреты, табу, обычаи, традиции, кодексы чести и т.д.) и формальные правила (конституции, законы, права собственности и т.д.), а также система санкций за их несоблюдение» (Д. Норт), структурные ограничения (А. Шидлер), формальные правила, процедуры согласия и стандартно действующие практики, структурирующие отношения между индивидами (П. Холл) и др.⁴³

Институционалистов, как полагает ученый А.А. Дегтярев, ссылаясь на зарубежных коллег⁴⁴, интересуют все государственные и социальные институты, которые формируют способы выражения политическими факторами своих интересов и структурирования их отношений власти с другими группами и социальными общностями⁴⁵. В диссертационном исследовании в качестве социальных общностей выступают категории интеллигенции – техническая и педагогическая.

⁴² Байтин М.И. О понятии государства // Правоведение. 2002. № 3. С. 10; Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 447–448, 462–521; Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2005. С. 54, 309–315, 390–393.

⁴³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Schedler A. Under – and overinstitutionalization: Some ideal typical propositions concerning new and old party systems. Notre Dame, 1995; Hall P. A. Governing the economy. New York, 1986.

⁴⁴ Thelen K., Steinmo S. Historical institutionalism in comparative politics. Cambridge, 1992. P. 2; The new institutionalism in organizational analysis / Ed. by W. Powell, P. Di Maggio. Cambridge, 1991. P. 5–7.

⁴⁵ Дегтярев А.А. Основы политической теории. Ульяновск, 1998. С. 131.

Д. Норт, получивший Нобелевскую премию «за применение экономической теории и количественных методов к изучению исторических событий», доказал возможность применения методов экономического анализа в исторических исследованиях⁴⁶. Концепция институциональной эволюции Д. Норта предлагает трактовку закономерностей развития человеческого общества. Автор выделил три компонента институтов: а) неформальные ограничения – традиции, социальные условности. Они складываются спонтанно, как побочный результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы; б) формальные правила – нормативно-правовая база (конституции, законы) а также судебные прецеденты, которые напротив, регулируют отношения в обществе на государственном уровне, поддерживаются силой государства; в) механизмы принуждения, которые обеспечивают соблюдение правил, в рамках исследования это могут быть органы ОГПУ–НКВД и т.д.

Для исторических исследований первичны организации или институты. Причем в центре могут находиться анализ государства, проблемы его автономии, воздействия на общество и его способности самостоятельно определять политику, политические изменения или, в данном исследовании, изучение модели отношений государства и социальной группы (интеллигенции). В фокус нашего исследования попадает такая институция, как политические репрессии. Мы рассматриваем, какие формальные и неформальные правила регулировали политические репрессии против интеллигенции, как действовали репрессивные институты.

Постановка исследовательской проблемы в СССР в период конец 1920–конец 1930-х годов обусловлена местом и значением экономических преобразований. Для данного десятилетия характерно предельное напряжение социальных сил общества, которое представляло собой сложно структурированную, многогранную и крайне противоречивую социально-экономическую систему.

Методологическая основа исследования также базируется на принципах историзма, системности и научной объективности, сравнительного анализа, предполагающих необходимость анализа событий и фактов политических репрессий. Математические методы использовались для анализа социальной структуры и численности технической и вузовской интеллигенции. Метод исторической антропологии позволил сфокусировать внимание на судьбе отдельного человека – интеллигента, который был включен в сложную цепь взаимоотношений советской действительности. При данном подходе, по мнению историка М.М. Крома, в центре внимания оказывается не судьба научных идей, а повседневная жизнь ученых, инженеров, межличностные и корпоративные отношения, неформальные контакты и объединения, покровительство и зависимость, внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию, взгляд на происходящие процессы с позиции их участников (или жертв) и т.п.⁴⁷ Социально-исторический подход

⁴⁶ См.: Гусейнов Р.М., Горбачева Ю.В. История экономических учений. Москва-Новосибирск, 2000.

⁴⁷ Кром М.М. Историческая антропология русского средневековья: Контуры нового направления // Новая Русская Книга. 2001. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nrk/2001/2/markov1->

способствовал объективной оценке документов местного и регионального уровня.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что в ней на региональном конкретно-историческом материале выявлены специфические характеристики политических репрессий против интеллигенции с учетом территориальных и социальных особенностей. Проблема рассматривается как комплексное научное исследование на основе изучения различных аспектов политических репрессий в Пермском регионе в период конец 1920–конец 1930-х годов. В работе делается попытка на конкретных примерах представить репрессии технической и педагогической интеллигенции как составную часть политики тоталитарного государства в регионе. На основе источников исследованы процессы проведения политических репрессий против интеллигенции в Пермском регионе, выявлены общие тенденции, характерные для всей страны, и региональная специфика. Так же выявлено изменение социальных характеристик региональной интеллигенции после завершения репрессий.

Автором было введено в научный оборот большое число новых архивных документов по истории политических репрессий, ранее не использовавшиеся в отечественных исторических исследованиях.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования содержащегося в ней материала, положений и выводов в научной работе (подготовка обобщающих трудов по политической истории региона, истории политических репрессий в российской провинции, по истории политических репрессий на Урале, истории органов НКВД, истории образовательных учреждений, предприятий), в учебно-методической работе (включение материалов диссертации в лекционные и специальные курсы, использование при проведении семинарских занятий), и в просветительской деятельности (подготовка публикаций в СМИ, экспозиций выставок).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были отражены в ходе выступлений на конференциях различного уровня, в России и за рубежом (Украина, Белоруссия) и отражены в 24 научных публикациях, в том числе 3 – в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

А также обсуждены в рамках стажировки в 2009 году в НОЦ «Истории и культуры Сибири» Тюменского государственного университета по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы 1.4 «Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров путем выполнения научных исследований молодыми учеными и преподавателями в научно-образовательных центрах».

Результаты исследования внедрены в учебный процесс – используются при изучении курса «История уголовно-исполнительной системы».

Структура диссертации обусловлена логикой исследования, а также его целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих 4

параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политические репрессии интеллигенции можно рассматривать как «социальную чистку». Репрессивные мероприятия партии и правительства, реализованные в конце 1920–конце 1930-х годов в отношении технических специалистов и педагогов стали одной из причин кризиса государства в фазе институционального исчерпания.

2. В результате репрессивной политики в регионе качественные характеристики интеллигенции претерпели существенные изменения. Экстенсивные методы создания новой интеллигенции отрицательно сказались на профессиональных характеристиках.

3. Инженерно-технические специалисты региона пострадали от репрессий в большей степени, нежели другие категории интеллигенции. На протяжении рассматриваемого десятилетия практически полностью сменился директорский корпус предприятий региона. Квалифицированных руководителей сменили лица без должного производственного опыта. В связи с этим массовые репрессии в конце 1920–конце 1930-х годов сопровождались спадом в развитии промышленных отраслей.

4. Профессорско-преподавательские кадры вузов стали объектом репрессий, несмотря на отсутствие в регионе активной политической борьбы и открытого конфликта власти и научной интеллигенции, что объяснялось аполитичностью большей части научных работников. Репрессивная политика против ученых и руководящего состава вузов нанесла серьезный урон системе высшего профессионального образования и науки.

5. Политические репрессии в сфере школьного образования в регионе в конце 1920–1930-х годов привели к кардинальным переменам в кадровом составе образовательных учреждений, оказали отрицательное воздействие на дальнейший ход развития образования, поставив его под жесткий политический и идеологический контроль.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, степень ее изученности, определены цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, сформулированы методологические принципы, обозначены объект, предметы исследования, дана общая характеристика источниковой базы, научная новизна и практическая значимость.

Первая глава «Генезис репрессивной политики в отношении технической интеллигенции» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Репрессии против «старых» специалистов» характеризуются особенности проведения репрессивной политики в отношении дореволюционных инженерно-технических работников Пермского региона.

Выявлено, что специалисты, привлеченные по делу «Промпартии» возглавили промышленные предприятия региона: главный конструктор завода

№ 19 А.Д. Швецов⁴⁸, директор Березниковской ТЭЦ В.А. Капеллер⁴⁹, главный консультант строительства Березниковского комбината, профессор Л.Ф. Фокин⁵⁰ и др.

Подсчитано, что в 1928–1932 годы к уголовной ответственности по обвинению в контрреволюционной деятельности, антисоветской агитации, вредительстве, а также за подделку документов, шпионаж, побег из-под стражи и др. привлечен 121 представитель «старой» технической интеллигенции, в том числе 16 членов партии. В основном это были специалисты металлургической (32 чел.), лесной (23), химической (20), горнодобывающей (19) отраслей⁵¹.

С 1933 по 1936 год репрессиям подверглось в четыре раза больше специалистов. Лидерами по числу арестов вновь оказались сотрудники химической промышленности – 86 чел., горнодобывающей – 84 чел., металлургической – 64. К ним также примкнули работники железнодорожного транспорта – 47 чел., сельскохозяйственной, лесной, целлюлозно-бумажной, строительной отраслей – 30 чел. Аресты работников с партбилетом по-прежнему носили ограниченный характер. В то же время репрессии руководящего персонала из числа буржуазных специалистов возросли.

Репрессии 1937–1938 годов против дореволюционных специалистов приобрели массовый характер. Особенно пострадали отрасли, где требовались работники высокой квалификации (химическая, металлургическая и др.)

Репрессии в 1939–1940 годы существенно сократились. Однако объектом репрессии по-прежнему были специалисты таких отраслей как: горнодобывающая – 136 чел., металлургическая – 118 чел. и др.

Подсчитано, что в соответствии со Сталинскими расстрельными спискам было арестовано 269 специалистов технического профиля, из них 178 человек с высшим и средним специальным образованием; 14 руководителей предприятий (в т.ч. руководители Свердловской, металлургического завода, топливно-энергетических станций региона и др.), 39 высококвалифицированных инженеров⁵². В большей степени пострадали сотрудники предприятий

⁴⁸ Швецов Аркадий Дмитриевич, 1892–1953 гг., советский конструктор, доктор технических наук. Окончил Пермское реальное Алексеевское училище, Московское техническое училище. Обвиняемый по делу «Промпартии». Конструктора до суда вызволил начальник Института Авиационного Моторостроения И.И. Побережский. С 1934 г. главный конструктор авиадвигательного завода № 19 в г. Перми.

⁴⁹ Капеллер Вильгельм Александрович, урож. Грузинской ССР, б/п, служащий, образование высшее. Арестован 25 апреля 1937 г. по ст. 58–7, 11 УК РСФСР. 2 августа 1937 г. решением Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелян. – ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14836. Л. 18, 20.

⁵⁰ Фокин Леонид Философович, 1881 г. р., б/п, профессор химико-технологического института г. Ленинград. Арестован в 1930 г. по «делу Промпартии» и направлен главным консультантом на строительство химкомбината в г. Березники. Коллегией ОГПУ в 1933 г. осужден по ст. 58–6, 7, 11 УК РСФСР к расстрелу, с заменой на 10 лет ИТЛ. – Ленинградский мартиролог 1937–1938. / Ред. А.Я. Разумов. Т. 5. СПб., 2002. С. 203.

⁵¹ Пржедвельский Валерьян Евгеньевич, 1887 г.р., урож. Польши, б/п, служащий, образование высшее, инженер по горным работам Кизеловского каменноугольного треста. Арестован 16 мая 1928 г. по ст. 58–7 УК РСФСР. Решением коллегии ОГПУ 31 августа 1928 г. выслан в Сибирь на 3 года. – ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп. 1. Д. 16244; Зыков Василий Михайлович, 1893 г.р., б/п, служащий, образование среднее специальное, начальник отдела эксплуатации первого района Пермской железной дороги. 5 марта 1933 г. арестован по ст. 58–7, 11 УК РСФСР. 14 ноября 1933 г. Постановлением ОСО при коллегии ОГПУ зачесть в наказание срок предварительного заключения. Княгинин Владимир Константинович, 1891 г.р., урож. УССР, б/п, образование высшее, лесотранспортный инженер лесного промышленного хозяйства. Арестован 19 июня 1931 г. РО ОГПУ г. Ныроб по ст. 58–7, 10 УК РСФСР. Дело прекращено за отсутствием состава преступления 27 сентября 1931 г. и др. – ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14960.

⁵² Подсчитано по электронной базе данных «Репрессированные».

горнодобывающей, металлургической отрасли, а также сельского хозяйства и транспорта.

Обращено внимание на репрессивную политику против инженерно-технических работников – подданных иностранных государств.

Отмечается двойственное положение дореволюционных инженерно-технических работников региона: высокий технический уровень специалистов устраивал власть, но коммунистам профессиональной квалификации было недостаточно, им нужно было воспитывать качества личности социалистического типа для реализации задач пятилеток.

Сделан вывод о том, что дореволюционная техническая интеллигенция внесла весомый вклад в развитие промышленности региона, одновременно став объектом пристального внимания тоталитарной власти, превратилась в потенциальную жертву правящего режима.

Во втором параграфе «Политика власти по отношению к новой интеллигенции» опровергается вывод советских исследователей о том, что единственным способом формирования новой интеллигенции была политика выдвиженчества⁵³. Установлено, что к концу 1930-х годов в Пермском регионе удалось создать систему подготовки советских инженерно-технических работников путем открытия политехнического института, а также развертывания сети средних специальных учебных заведений, профкурсов. Констатируется, что на протяжении десятилетия в регионе происходил процесс нарастания политических репрессий новых инженерно-технических специалистов. Рассмотрены биографии арестованных – типичных выдвиженцев. В главе проанализировано количество репрессированной технической интеллигенции по социальному положению, уровню образования, сферам производства, дате ареста, статье обвинения, мере пресечения и др. параметрам. Сделан вывод о том, что в ходе репрессии на территории региона «старые» технические специалисты пострадали в большей степени, нежели выдвиженцы. Аресты специалистов привели к снижению производственных показателей, способствовали дезорганизации промышленного производства, сельского хозяйства и других отраслей, замедляли темпы экономического развития, лишали руководителей предприятий возможности мыслить творчески, создавали негативный фон страха и незащищенности.

Советская репрессивная политика против технической интеллигенции пройдя через этап вынужденного использования «спецов» дореволюционной закалки, сочетающегося с идеей их «перековки», включающего «спецедаческие» кампании и борьбу с «вредительством», перешла в фазу жестоких массовых чисток, когда дореволюционное прошлое становится лишь одним из ряда факторов риска оказаться в застенках НКВД. «Правильное» социальное происхождение, преданность режиму и заслуги перед ним уже не гарантировали карьеру, жизнь и свободу.

⁵³ Андреев Г.П. Выдвиженчество и его роль в формировании интеллигенции. 1921–1932 гг. // Из истории советской интеллигенции. М., 1966. С. 12–21.

Во второй главе «Репрессивная политика в сфере образования» акцентируется внимание на том, что репрессии осложнили процесс развития высшей и средней школы⁵⁴.

В первом параграфе «Репрессии в высшей школе» рассмотрена эволюция методов воздействия на ученых: увольнения ученых и членов их семей с работы, исключение из партии и общественных организаций, травля в прессе, общественное порицание и публичное осуждение со стороны парторганизации и коллег по работе, арест и уголовное наказание. Репрессии вузовской интеллигенции в Пермском регионе в целом соответствовали политике, проводимой в центре. Местные органы НКВД, стремились, с одной стороны, оперативно выполнять решения сверху (как, например, обвинение декана педологического факультета пединститута в рамках реализации постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе наркомпросов»). С другой стороны, выявить региональных участников столичных процессов. Пример тому дело профессоров А.Ф. Тюлина и В.В. Никитина о причастности вузовских работников к делу «Трудовой крестьянской партии», арест профессора Д.С. Епишина по делу «Промпартии», профессора В.М. Здравомыслова в причастности к «Организации микробиологов».

В тоже время, можно выделить ряд особенностей. Репрессии сотрудников и студентов чаще всего не были взаимосвязаны. Так аресты ученых преобладали в пединституте, максимальное количество привлеченных к уголовной ответственности студентов отмечается в мединституте. Обращено внимание на то, что на протяжении рассматриваемого периода менялся характер репрессий.

На протяжении рассматриваемого периода менялся характер репрессий. С 1928 по 1932 год репрессии осуществлялись целенаправленно – против представителей беспартийной буржуазной вузовской интеллигенции, к которой власть относилась крайне настороженно и недоверчиво. Имели место увольнения сотрудников, также внедрялась практика перевода «сомнительных элементов» в другие вузы страны.

Репрессии 1933–1936 годов отличались волнообразным характером. В 1933–1934 году уголовные дела против преподавателей вузов не возбуждались. В этот период были запущены иные механизмы давления на сотрудников. А также была подготовлена «база» для последующей ликвидации неугодных.

В 1937–1938 годы репрессии приняли массовый характер. Жертвами стали широкие слои вузовских работников, в том числе представители «новой» интеллигенции, которые были лояльны власти и руководящие кадры. Внедрялась практика исключения из партии, что становилось не только психологическим ударом для человека, но и черным пятном в биографии.

К 1940 году уголовные репрессии в высшей школе региона прекратились. Но система контроля сохранялась. Репрессивная политика государства в высших учебных заведениях в регионе в конце 1920–конце 1930-х годов уничтожила профессуру с дореволюционным образованием и стажем работы.

⁵⁴ Семенов С.В. Политические репрессии в высших учебных заведениях Южного Урала в 30-е годы XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 84–93.

Превращение науки в арену идеологической борьбы, направленной против плодотворно работавших ученых, привело к массовой замене профессионально грамотных научных кадров высших учебных заведений менее квалифицированными работниками, многие из которых не имели представлений об исследовательской работе.

Власть, выстраивая в рассматриваемый период в целом жесткую модель отношений с вузовской интеллигенцией, пыталась, вместе с тем, проводить в этой сфере относительно гибкую политику, не только подавляя профессорско-преподавательский состав через механизм репрессий, но и привлекая его к социалистическому строительству через систему поощрений. Таким образом, действуя в соответствии с известным принципом сочетания «кнута и пряника», советская власть в целом добилась оформления лояльной вузовской интеллигенции.

Во втором параграфе рассматривается учительство как объект репрессий в регионе. Отмечается, что развитие советской школы в конце 1920–конце 1930-х годов было связано с политизацией, огосударствлением, идеологизацией. В образовательной сфере не удалось избежать деформаций в разработке и реализации школьной политики. Общественная деятельность педагога противопоставлялась учебным задачам. Учитель находился в сложном положении, от него требовалась трансляция знаний, в том числе, марксистско-ленинской теории, воспитание учащихся в большевистском духе, который он сам еще в достаточной мере не усвоил. По нашим подсчетам, в 1930-е годы на заседаниях Пермского горкома вопросы о партийно-воспитательной работе среди учительства поднимались гораздо чаще, чем обсуждение проблем обеспечения и организации учебно-образовательного процесса⁵⁵.

Количественный анализ указывает на любопытную закономерность: процент арестованных среди сельских учителей в 2,8 раза выше, чем среди городских⁵⁶. При этом нельзя забывать, что количество учителей на селе превосходило численность городских педагогов. К 1938 году в регионе насчитывалось 1788 сельских школ⁵⁷. Образовательный ценз данной категории интеллигенции в деревне был невысок: к концу десятилетия здесь трудилось всего 130 учителей с высшим образованием⁵⁸. А 51 педагог сельских школ с высшим образованием в регионе был репрессирован в 1928–1940 годы.

Выявлено, что аресты учителей в регионе по политическим мотивам не всегда были связаны с профессиональной деятельностью. Отношение к педагогам было потребительским, их использовали в хозяйственно-политических кампаниях, хлебозаготовках, агитаторской работе. Безразличие к пропагандистской работе не свидетельствовало о политической нелояльности учителей (хотя именно так оно нередко оценивалось властями). Стремление части преподавателей уклониться от общественных дел, вероятно, было вызвано осознанием отрицательного воздействия общественных нагрузок на профессиональную деятельность. В то же время учителя оказывались основным

⁵⁵ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп.1.

⁵⁶ Подсчитано по электронной базе данных «Репрессированные».

⁵⁷ Государственный архив Пермского края. Ф. р-986. Оп.1. Д.1005. Л.14.

⁵⁸ Там же.

объектом для проведения политики репрессии в деревне в отношении интеллигенции, в ряде дел они значатся организаторами, руководителями, которые вербовали малограмотное население. А политическая активность несколько повышала риск попадания в жернова репрессивной машины.

Неоднозначные отношения педагогической интеллигенции и партийно-государственного аппарата имел определенные результаты. В условиях тоталитарного политического режима это проявлялось в идеологизации учебно-воспитательного процесса, нарушении гражданских прав, репрессиях. Аресты педагогов во многом оказали негативное влияние, выступили тормозом развития качественного образования.

В **заключении** подводятся итоги исследования и формулируются выводы. Среди арестованных в Пермском регионе были руководители разных уровней: директора предприятий, вузов, школ, заместители по направлениям, инженерно-технические специалисты, мастера заводов, учителя, ученые, преподаватели, студенты высших и средних учебных заведений. Выявлено, что по политическим статьям было репрессировано около 600 представителей педагогической интеллигенции, около 40 представителей творческой интеллигенции, около 60 медицинских работников, более 4 000 технических специалистов, занятых в различных сферах производства и аграрной отрасли⁵⁹. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что педагогическая и техническая интеллигенция стали основными группами репрессированной интеллигенции в регионе.

Сделан вывод о том, что служащие (76% арестованных служащих составляла интеллигенция) пострадали от репрессии в большей степени, нежели другие общественные группы⁶⁰.

Проанализирована динамика политических репрессий против интеллигенции в регионе: в период 1928–1932 годов объектом репрессий были представители «старой» интеллигенции, с высоким профессиональным уровнем. К середине 1930-х годов наряду с арестами, методом чистки стало увольнение неугодных сотрудников.

Для 1937–1938 годов характерны массовые репрессии административно-руководящих кадров и выдвиженцев, а также выдворение из страны иностранных граждан – технических специалистов. Снижается возрастной ценз – репрессии коснулись и тех, кто получил высшее образование после 1917 года, изменяется национальный состав обвиняемых. Наказание становится более жестким – треть обвиняемых были расстреляны. К уголовной ответственности в этот период привлекались лица с партбилетом – 39% от общего числа арестованных, что свидетельствует об изменении социального состава в коллективах и новых тенденциях кадровой политики.

Необходимо отметить, что репрессии интеллигенции были связаны не только с наказанием, предусмотренным уголовным законодательством: лишение свободы, высшая мера наказания, высылка и ссылка. Имели место и другие способы борьбы с неугодными специалистами: увольнение с работы, работы, исключение из партии и общественных организаций, травля в прессе,

⁵⁹ Подсчитано по электронной базе данных «Репрессированные».

⁶⁰ Там же.

общественное порицание и публичное осуждение со стороны парторганизации и коллег по работе.

В этих условиях изменилась роль интеллигенции в жизни общества. Из активного субъекта политической жизни, стремящегося к значительному влиянию на общественные процессы, она превратилась в проводника политики советского общества. Большая часть научного сообщества пошла на это добровольно или под давлением власти, получив многократное увеличение ассигнований на исследовательскую работу. Для многих была важна сама возможность работать по специальности.

Однако наряду с общими тенденциями в регионе имелись и некоторые особенности. Формирование политики в области науки в конце 1920–конце 1930-х годов – сложный и длительный процесс, определявшийся необходимостью масштабных преобразований в стране. При этом партийно-государственная политика в области науки эволюционировала от попыток кардинально реформировать научную сферу в годы первой пятилетки к вынужденному отказу от части радикальных нововведений, которые показали свою неэффективность, возвращению в той или иной степени к традиционным формам научной деятельности.

Сложившаяся в этот период система управления, имея в своем распоряжении огромный аппарат различных ведомств, сумела мобилизовать и умело использовать для форсированной модернизации страны имеющиеся интеллектуальные и финансовые ресурсы. Данная система, при всех своих недостатках, была способна к резким прорывам в определенных областях науки в крайне сжатые сроки, однако не могла обеспечить долговременное поступательное развитие научной сферы.

Политические репрессии конца 1920–конца 1930-х годов были институционализированы. Сформировалась разветвленная система государственных органов, осуществлявших репрессии (НКВД, партийные комитеты, цензурные органы и т.д.). Действовавшие репрессивные правовые нормы дополнялись ненормативными практиками, позволявшими политическому руководству управлять репрессиями, ужесточать или смягчать их вне зависимости от закона.

Массовые политические репрессии в конце 1920–конце 1930-х годов стали важнейшим механизмом регулирования всей жизни государства. Они завершили так называемую сталинскую революцию «сверху», в результате которой утвердился строй, иногда называемый сегодня «сталинским социализмом». В частности, происходило перераспределение рабочей силы в нужных государству направлениях и отраслях. То есть экономика в СССР не могла функционировать по экономическим законам.

Репрессии интеллигенции можно рассматривать как социальную фильтрацию. Мероприятия партии и правительства, реализованные в конце 1920–конце 1930-х годов в отношении технических специалистов и педагогов, стали одной из причин кризиса государства в фазе институционального истощения.

Анализ репрессивной политики против технической и педагогической интеллигенции в Пермском регионе позволяет выявить смыслы репрессивной

политики, которые существенно отличаются от заявленных. В качестве средства поднятия производства (наказание нерадивых, укрепление дисциплины и т.п.) репрессии постоянно демонстрируют свою несостоятельность – с хаосом в управлении покончить не удастся. Не срабатывают репрессии и в качестве средства ликвидации шпионов и вредителей. Наш анализ показывает, что шпионов и вредителей в заявленном чудовищном количестве не было. Более того, реконструкция осуществления репрессивных операций НКВД показывает, что советские вожди это знали и сами подталкивали к фальсификациям. То есть, И.В. Сталина и его окружение вряд ли можно представить жертвами обмана со стороны зарвавшихся чекистов.

С другой стороны, проведенный анализ социальных характеристик репрессированной педагогической и технической интеллигенции в контексте конкретных репрессивных кампаний позволяет увидеть политические репрессии как средство быстрого изменения социума насильственным путем. Можно заметить, что каждая репрессивная «операция» отсекала «хирургическим» путем те слои, которые представлялись потенциально опасными для политического руководства: все категории стигматизированных слоев (происходившие из семей дворян, священников, «кулаков» и т.п.; служившие на военной или государственной службе при старом режиме или получившие образование в царское время; уголовники и т.д.), региональные управленческие элиты, имеющие любые связи с зарубежьем и, наконец, все, проявившие минимальную нелояльность режиму.

В то же время репрессии конца 1920–конца 1930-х годов преподносились обществу как неотвратимые, обоснованные и правомерные. Они порождали страх и подозрительность. Политические репрессии существенно сказались на обществе и государстве. Жертвами репрессий стали все категории населения, в том числе интеллигенция. Чистка в среде интеллигенции имела длительные последствия. Как сказано в тезисах международного общества «Мемориал» к 70-летию Большого террора, репрессии привели к расцвету национализма, ксенофобии, интеллектуальному конформизму, двоемыслию, осознанию верховенства силовых структур над правом и личностью⁶¹.

Невосполнимы человеческие потери, экономические и культурные последствия репрессий конца 1920–конца 1930-х годов, и «большого террора» в частности. Политические репрессии причинили колоссальный вред, уничтожив ученых, педагогов, инженерно-технических специалистов, руководителей разного уровня. Репрессии интеллигенции нанесли неизмеримый урон историческому развитию страны, который продолжает ощущаться и поныне.

⁶¹ Тезисы «Мемориала» к юбилею «большого» террора // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/y1937/y1937.htm>.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

а) Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Шилова И.С. К вопросу о фальсификации дел в отношении интеллигенции в 1930-е гг. (по материалам Пермского архива новейшей истории) // В мире научных открытий (Гуманитарные и общественные науки). Красноярск, 2011. №4(16) С. 145–153 (0,3 п.л.).
2. Шилова И.С. Политика власти по отношению к новой технической интеллигенции в 1930-е гг. (по материалам Пермского края) // Вестник Поморского университета (Гуманитарные и социальные науки). Архангельск, 2011. № 7. С. 75–89 (0,4 п.л.).
3. Суслов А.Б., Шилова И.С. Борьба с «педологическими извращениями» в провинциальном вузе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7. С. 209–211 (0,2 п.л.).

б) Статьи в сборниках научных трудов, тезисы выступлений на конференциях:

4. Шилова И.С. Неистовства истории и судьба буржуазного интеллигента: Жизнь и судьба профессора В. Э. Крусмана // Родовое сознание и духовное предпринимательство: Материалы Международной научно-практической конференции. Пермь, 2002. С. 72–79 (0,2 п.л.).
5. Шилова И.С. Большой террор 1937–1938 гг. в отношении технических специалистов // 1937 год. Память и уроки: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Тюмень, 2007. С. 91–94 (0,1 п.л.).
6. Шилова И.С. Большой террор и интеллигенция в Пермском крае // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 7. Томск, 2007. С. 78-89 (0,4 п.л.).
7. Шилова И.С. Пермский педагогический институт в годы «Большого террора» // Проблемы массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Материалы V-й Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2008. С. 120–127 (0,26 п.л.).
8. Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий / Под ред. А.Б. Суслова; Сост. Шилова И.С., соавт. Т.В. Безденежных, С.В. Дагелине, М.А. Зайцева, О.Л. Мальцева, И.В. Папулов, И.Ю. Федотова. Пермь, 2008. Часть 2. Т. 2 (0,4 п.л.).
9. «Когда мы были молодые...»: Документальная диалогия. Книга 1. «Пермские целинники. 1954–1964 гг.» / Отв. ред. Т.И. Демиденко; Сост. Шилова И.С., соавт. Т.В. Безденежных, Е.Н. Иванова, М.А. Иванова, Е.С. Коточигова, И.Ю. Федотова. Пермь, 2009. 272 с. (0,3 п.л.).
10. Шилова И.С. Дело профессора Захарова // Традиция. Духовность. Порядок: Материалы IV-й Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2009. С. 126–128. (0,18 п.л.).
11. Шилова И.С. Дело Сребницкого // Дни науки исторического факультета-2009: Материалы II-й Международной научной конференции молодых ученых. Вып. 3. Ч. 2. Киев, 2009. С. 115–118 (0,3 п.л.).

12. Шилова И.С. Индустриализация на Урале (к вопросу о репрессиях технических специалистов) // Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России: Материалы Всероссийской научной конференции. Самара, 2009. С. 129–136 (0,3 п.л.).
13. Шилова И.С. К вопросу о коми-пермяцком литературном языке // «Строгановские чтения» – III: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь, 2009. С. 122–124 (0,13 п.л.).
14. Шилова И.С. Пермская городская библиотека им. Горького в 1931–1932 гг. // XI-е Смышляевские чтения. Пермь, 2009. С. 220–222 (0,17 п.л.).
15. Шилова И.С. Пермский государственный университет в годы первой пятилетки // Философия отечественного образования: история и современность: Материалы V-й Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2009. С.101–109 (0,2 п.л.).
16. Шилова И.С. Пермский период И.П. Вороницына // Россия и россияне: особенности цивилизации: Материалы международной конференции, посвященной 80-летию АЛТИ-АГТУ. Архангельск, 2009. С. 261–263 (0,19 п.л.).
17. Шилова И. С. Подготовка педагогических кадров в 1930-е годы (на примере Пермского пединститута) // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: сборник научных статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 180-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. Омск, 2009. С. 443–449 (0,2 п.л.).
18. Шилова И.С. Расстрельный приказ №00447 // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. Специальный выпуск к 130-летию УИС. № 4. Рязань, 2009. С. 199–202 (0,18 п.л.).
19. Шилова И.С. Творческие пути писателей Урала (1930-е годы) // Бостонский Мемориал: Материалы 4-й конференции. Бостон, 2009. С. 32–38 (0,2 п.л.).
20. Шилова И.С. С новой жизни // Грибушинские чтения – 2009: Тезисы 7-й межрегиональной научно-практической конференции. Кунгур, 2009. С. 258–260 (0,17 п.л.).
21. Шилова И.С. Репрессированные тюменцы // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2009. С. 28–32 (0,17 п.л.).
22. Шилова И.С. Техническая интеллигенция Урала в годы первых пятилеток // Диалог культур и цивилизаций: Материалы X-й Всероссийской научной конференции молодых историков. Тобольск, 2009. С. 111–113 (1,3 п.л.).
23. Шилова И.С. Следователь назвал мое дело «фантастическим» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы VI-й Международной научной конференции. Краснодар, 2010. С. 385–394 (0,3 п.л.).
24. Шилова И.С. Электронная база данных «Репрессированные» как вторичный источник по истории политических репрессий в советской провинции // Лаборатория историка: Источник и метод: Тезисы научной конференции. М., 2012. С. 119–123 (0,18 п.л.).